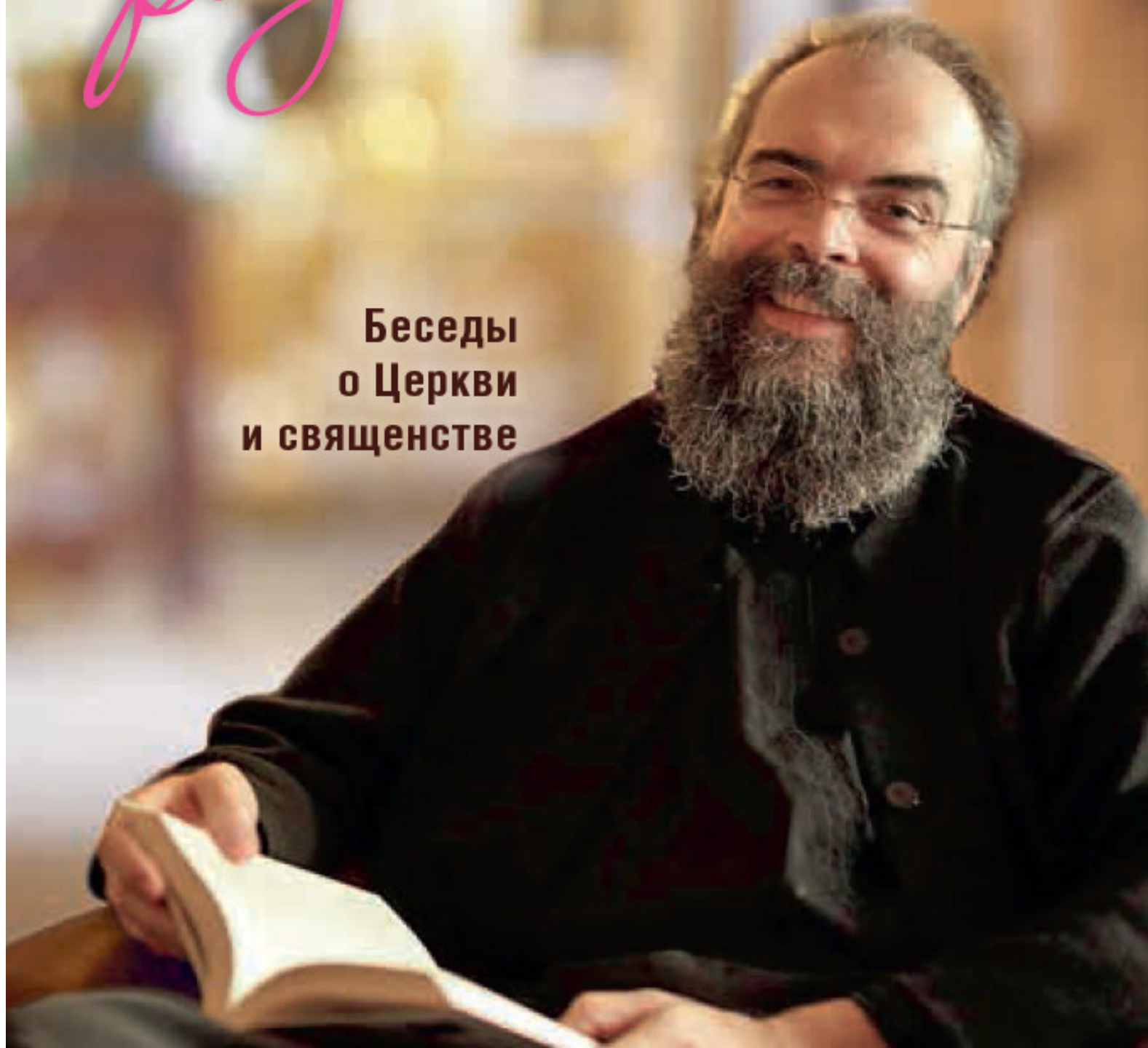

Архимандрит Андрей (Конанос)

Источник радости

Беседы
о Церкви
и священстве

архимандрит Андрей Конанос

**Источник радости. Беседы
о Церкви и священстве**

«Издательство Сретенского Монастыря»

2019

УДК 271.22(495)-1
ББК 86.372-4

Конанос а.

Источник радости. Беседы о Церкви и священстве / а. Конанос —
«Издательство Сретенского Монастыря», 2019

ISBN 978-5-7533-1524-3

В книге собраны беседы известного греческого проповедника архимандрита Андрея (Конаноса) о Церкви и священстве, о том, как относиться к таинствам, о Божественной литургии и ее значении в жизни каждого человека. Для широкого круга читателей.

УДК 271.22(495)-1

ББК 86.372-4

ISBN 978-5-7533-1524-3

© Конанос а., 2019
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2019

Содержание

Святая Божественная литургия	5
Уголек, к которому бесполезно прикасаться	12
В твоём сердце источник радости	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Архимандрит Андрей (Конанос)

Источник радости. Беседы о Церкви и священстве

Святая Божественная литургия

Тема святой литургии очень важна. Та молитва на святой литургии, в которой говорится, что никто из связанных плотскими желаниями и наслаждениями недостойн приступить и служить святой литургии¹, относится и к тем, кто собирается говорить о святой литургии. Но кто же тогда достоин говорить о святой литургии – этом таинстве, в которое даже ангелы желают вникнуть и взирают на него со страхом и ужасом? Мы точно недостойны говорить об этом, тем паче что и переживаем это не так, как следовало бы. Пусть мы и клирики, как в данном случае я.

Помню признание одного служителя алтаря, когда я еще был малым ребенком. Он доверительно сказал мне тогда:

– Деточка моя, когда я однажды поехал на Святую Гору Афон и исповедался у одного иеромонаха, то он спросил меня: «Отче, а сколько лет ты служишь?» – «Тридцать», – ответил я. «А сколько раз на литургиях, которые ты служил, ты ощущал таинство, душа твоя входила в святилище Божие, ты что-нибудь понимал в мире сверхъестественного, ощущал что-нибудь удивительное и таинственное?» Я ответил: «Отче, очень редко. Служил сотни раз, но таинства каждый раз не ощущал, это нелегко».

Да, это нелегко. Это зависит и от нас, нашей подготовленности, но и от Бога тоже, чтобы Он приблизился к нам и счел нас достойными этого проявления Своей любви.

Один протестантский пастор как-то встретил православного священника и сказал ему:

– Мы, протестанты, занимаемся благотворительностью, строим дома для престарелых, социальные заведения, залы, больницы, организуем концерты поп- и рок-музыки и привлекаем молодых, проводим экскурсии, мы очень активны. А вы, православные клирики и Православная Церковь, что делаете вы?

А священник, вместо того чтобы перечислять ему разные виды пастырской работы, сказал лишь одну короткую фразу:

– Мы, православные, служим святой литургию.

Мы делаем это и наполняем рай людьми, душами, которые спасаются. Мы утешаем людей, сводим Бога на землю и возводим людей на небеса. Это наш вклад, это то бесконечно важное, что Церковь дает миру. Самое важное. Это источник, из которого истекают и остальные дела Церкви.

Все начинается с того момента, когда мы слышим, что бьют в колокол. С него начинается святая литургия, всякое богослужение вообще. Мы слышим, что звонит колокол.

У нас на приходе есть один человек, который испытывает огромную радость, когда у него появляется возможность позвонить в колокол. У колокола этого есть механизм, воспроизводящий разные мелодии: благовест, праздничную, святогорскую. И он предвкушает это с великой радостью, как маленький ребенок, и говорит:

– Отче, сегодня я запущу радостный благовест, чтобы люди услышали и пришли в церковь.

¹ Эта молитва читается священником тайно во время пения Херувимской песни.

Этот момент поистине великолепен. Надо, однако, заметить, что когда-то колоколов не было. В Церкви в первые годы ее существования люди просто звали друг друга. А потом, когда возросло число христиан, появились клепала. Позднее в некоторых местах использовали трубы – например, в монастыре, основанном святым Пахомием Великим, – в них трубили, чтобы напоминать христианам о трубах Апокалипсиса. В нем говорится, что Второе Пришествие будет происходить так: затрубят трубы, и все люди воскреснут, чтобы предстать на Суд.

В эпоху святого Константина Великого в ходу были железные клепала, по которым ударяли молотком. Колокола впервые появились на Западе, а в Константинополь попали в 865 году, намного позже постройки Святой Софии. Тогда один венецианский вельможа подарил 12 колоколов храму Святой Софии. Они называются кампанами, потому что происходят из Кампании, области в Италии.

Летописцы говорят, что, когда в Византии в первый раз зазвонили колокола, люди стали выбегать из своих домов с радостными восклицаниями. Мы сейчас привыкли слышать колокола, и они уже не кажутся нам такими сладкозвучными, как тогда. Но давайте представим себе, что мы никогда не слышали звона колоколов и вдруг неожиданно слышим его. Люди выбегали тогда на дороги, думая, что это ангелы сошли на землю и смешались с ними. И христиане шли на богослужение, преисполненные воодушевления.

Так, звоня в колокола, Церковь зовет нас прийти помолиться. И мы просыпаемся, но только нам хочется поспать еще немного, и в итоге мы опаздываем. Нам не хочется идти, и мы всё оттягиваем: «Посплю еще чуть-чуть, ничего, приду немного позже!» – такие мы нерадивые и, к сожалению, ленивые, и нам не хватает ревности. Ради чего-нибудь другого нам ой как хочется встать: по утрам на улицах можно увидеть многих спешащих к морю, чтобы искупаться, а здесь кто-то таскает ведра с водой, чтобы помыть свою машину в воскресенье утром, там женщины развешивают на веревках одеяла, чтобы проветрить их, потому что всю неделю работают и многого не успевают сделать. Это происходит чуть позже, часам к 9 утра. Кто-то направляется к киоску за газетой, здесь явно готовят еду, там слышен телевизор: люди смотрят спортивные новости и не идут в церковь.

Это явление очень печально. Оно печально потому, что у людей не стало влечения к святой литургии. В это же время мы страстно желаем очень многого, так что ни при чем тут ранний час, в который служится святая литургия. А как же люди встают в 6 утра, чтобы искупаться в море, пока на пляже нет столпотворения и кругом тишина? Или чтобы побыть с близкими людьми, или поехать куда-нибудь на спортивное мероприятие? Когда любишь что-нибудь, ты готов делать это в какой угодно час.

Я заметил, что, читая о миссионерах и людях, живущих в других странах, стыжусь, сравнивая себя с ними. Эти люди могут целыми днями идти пешком, чтобы попасть на святую литургию. Они по два дня идут пешком, и малые дети тоже, чтобы принять участие в литургии. Пусть они и не понимают всего, зато всё чувствуют душой на начальном этапе своей веры.

Как-то я читал дневник одного епископа (речь идет о Греции), он пишет: «В воскресенье, 30 марта 1941 года, ранним утром я отправился в первый батальон, где служил и проповедовал. Причистилось около 500 мужчин, руку у меня свело, и мне было ужасно больно от непрерывного преподания Святого Причастия. В другой раз я вынужден был служить на коленях, в палатке, потому что на улице дождь шел не переставая. Солдаты следили за святой литургией под дождем и в конце причастились Пречистых Таин».

Какое трогательное зрелище! Среди диких гор, под проливным дождем, солдаты молятся, чтобы соединиться со Христом Спасителем. Эти люди будут судить нас за нашу леность и нерадение. Даже святой Косма Этолийский говорит, что деньги, которые человек зарабатывает в воскресенье, когда работает, не имея на то серьезных причин, не благословляются Богом. Другое дело, если кому-то приходится работать, потому что долг его к этому обязывает. А если

ты можешь закончить работу и позже, но все равно не идешь в церковь, то это очень серьезно и несправедливо по отношению к нашей душе. И этим мы уязвляем Бога.

Один святой духовник минувшего века, отец Венедикт Петракис из Агринио, как-то шел служить святую литургию в воскресенье. У храма стоял человек, продававший фрукты и овощи. Когда шла литургия, он все также стоял на улице. Отец Венедикт сказал ему:

– Деточка моя, зайди внутрь, чтобы принять участие в святой литургии, а потом продашь свою продукцию!

Тот, однако, дерзко ответил ему:

– Отче, занимайся своим делом, а я буду заниматься своим! Я в твои дела не лезу, и ты в мои не лезь!

Святой сказал ему:

– Хорошо, дитя мое, но только увидишь, что не успеет закончиться литургия, как твои фрукты и овощи сгниют.

Чтобы заставить этого человека задуматься, Бог попустил, чтобы, когда закончилась литургия, все, что у него было на столе, оказалось полным червей. А также чтобы показать ему, что Он не одобряет подобной дерзости.

Кто не ходит в церковь по какой-нибудь серьезной причине, тот хотя бы должен испытывать скорбь из-за этого, а не оправдываться и говорить: «Я хорошо сделал, что не пошел. У меня есть на то причина и оправдание». Не оправдывай себя, предоставь Богу тебя оправдывать, а сам не оправдывайся.

Но вот мы с вами, однако, просыпаемся рано, поэтому и находимся здесь. Идем на святую литургию, делаем этот шаг в сторону Церкви и приближаемся к храму Божию, а когда заходим внутрь, то давайте будем ощущать – еще прежде, чем войти, – ту честь, какую оказывает нам Бог. Некоторые люди уже одним тем, как они заходят в храм, показывают свое благоговение и сродство – хорошее или плохое – со средой. То есть надо ощущать, что это дом твоего Отца. Хотя есть и такое сродство, которое таит в себе немалую долю наглости, дерзости и нечестия.

Перед тем как войти в храм, давайте подумаем, что вхождение в храм – это честь для нас. Мы ведь могли бы туда и не войти. Когда? Если бы жили в первые годы после основания Церкви, когда христиан не крестили маленькими, как сейчас, а в зрелом возрасте. Тогда были оглашенные, проходившие строгую катехизацию, и только если их душа была готова, они крестились и могли участвовать в литургии.

В первые века существовало несколько категорий христиан. Плачущие – это те, кто стоял у входа в храм. Они совершили какие-то грехи и плакали о них, говоря входившим: «Помолись

обо мне, ибо я согрешил. Помолись, чтобы ко мне пришло покаяние, чтобы мне простилось!» – и не заходили на святую литургию.

Были также и обуреваемые², тоже стоявшие на улице, их хлестали дожди, не щадили мороз, жара, снег. Они жаждали зайти на святую литургию, но не имели на это права по причине своего духовного несовершенства. Были еще слушающие, которые только слушали. Как и одержимые нечистыми духами, то есть страдавшие от злых духов, они тоже не заходили на литургию.

А сейчас в храм заходят все, как будто он – их собственное пространство, одетые как хотят, сидят как хотят и где хотят, ведут себя как хотят, и если кто-нибудь захочет поправить их, они этого не понимают. А что ты скажешь человеку, который не чувствует, что внешний вид у него вызывающий, поведение неприличное, а способ, каким он крестится, и жесты возмутительны? Он этого не понимает – потому что это вопрос его духовной культуры. О, сколько всего видят клирики, сколько видят и верующие, которые хотят сосредоточиться, но не могут!

Когда мы окажемся в вечности, в вечной жизни, то поймем, как сильно помогла нашей душе святая литургия и какую огромную пользу мы получили от нее. Сейчас мы этого наверняка не понимаем, потому что привыкли к ней. Но бывают трудные моменты, и мы становимся как некоторые дети, которые уезжают учиться на чужбину, а там нет храма поблизости. И хоть дома они и не особо ходили в церковь, то там ее им не хватает, и они говорят:

– Я уже три месяца не был в церкви! У нас нет рядом храма, до него два часа ехать на автомобиле. А когда мне ездить в другой город?

Когда мы попадаем в больницу и полежим там с месяц, нам начинает не хватать святой литургии, и мы тогда видим, какой дар у нас был, а мы его не ценили. Ну а сейчас, поскольку она у нас есть, давайте будем считать, что мы имеем эту честь от Бога.

Войдя в церковь с этим сознанием чести, которую оказывает нам Бог, зажжем свечку. Свеча напоминает о древних факелах, горевших в катакомбах. Когда христиане прятались в катакомбах, в первые годы, в коридорах стояли такие большие пылающие светильники, которые указывали путь к месту, где шло собрание христиан. Найти место, где шло собрание христиан, нельзя было так просто. Его нельзя было так легко найти, чтобы язычники их не поймали, и вот они шли по этим светильникам, этим факелам, и доходили до собрания.

А сейчас у нас с вами есть свечи. На меня произвело сильное впечатление, что пишет старец Паисий: «Богу мы отдаем свечу – последнее, что у нас есть, и Бог принимает это как жертву». Почему же последнее? Потому что свеча сделана из восковых сот, на которых пчелы откладывают мед. Мы забираем себе полезное – мед, а воск, бесполезный и несъедобный, отдаем Богу в качестве жертвы. И Бог это принимает. Мы считаем, что это дар, и Он радуется этой жертве.

Также и ладан делают из смолы, стекающей по дереву, т. е. это нечто бесполезное, а мы отдаем это Богу в жертву любви и благоговения.

Свеча горит и напоминает нам о свете, сияющем во мраке нашей эпохи, о свете, который мы должны иметь в себе, передавать его другим и хранить. Она символизирует также светлые помыслы, которые должны у нас быть, чистые мысли, чистый ум и прозрачность, которые должны нас отличать, и чтобы мы говорили: «Как тает свеча, так да растают и мои пороки, мои страсти. И как церковный служка внезапно хватается их, так и меня схватит Бог, и моя земная жизнь внезапно потухнет в какой-нибудь из дней».

Некоторые люди возвращаются, чтобы посмотреть, горит ли еще свеча, которую они поставили, или ее уже потушили. Это не имеет значения: мы сделали то, что нужно, зажгли ее, принесли Богу. Вопрос не в этом, а в том, чтобы эта свеча горела во мне, чтобы она была постоянно возженной и после литургии, всю мою жизнь. Сколько бы ни простояла зажженная

² В русской традиции эти категории кающихся назывались «припадающие», «плачущие», «слушающие».

тобой свеча, но если в тебе не горит свеча веры и благоговения к Богу, все остальное превращается в пустое, формальное действие. Зажигая свечу, нам хорошо будет вознести молитву.

Естественно, не нужно ставить много свечей: дело не в количестве, а в вере и нашем сердечном соучастии. Кто-нибудь ставит одну свечу за живых и одну за усопших (на Кипре и, очевидно, в Греции не принято ставить нечетное количество свечей за живых и четное за усопших). Эти две свечи могут тронуть Божие сердце. А кто-то ставит больше – и Бог снова трогается. Но кто-то ставит много свечей, однако ничего не добивается. У каждого свой подход в соответствии с его побуждениями. Будем говорить при этом: «Господи Иисусе Христе, помилуй раба Твоего (такого-то)», если у нас есть больные родственники, или: «Упокой души усопших раб Твоих (таких-то)», если кто-нибудь недавно отошел из мира сего.

Хорошо также, войдя в храм и поставив свечку, найти для себя место на время святой литургии и сосредоточенно там помолиться. Это плохая привычка, когда кто-нибудь разговаривает во время святой литургии, это очень серьезный грех, если кто-нибудь так делает.

«Придя на литургию, – говорит святой Серафим Саровский, – все время, пока ты в храме, непрестанно произноси про себя Иисусову молитву». Ничего больше. Или какую-нибудь другую молитву. «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», – я вхожу сейчас в храм, и все внешнее перестает для меня существовать: работа, разговоры, еще что-нибудь. Об этом мы скажем, когда выйдем, в другое время.

Старец Иаков, которого я видел в 1970 году на Эвбее, повел меня в алтарь – я был тогда еще маленьким – и сказал:

– Дитя мое, посмотри, как я терзаюсь во время святой литургии, как демоны стараются отвлечь меня, чтобы я не сосредоточился. Вьют веревки, которые я один вижу, чтобы заставить меня споткнуться, чтобы я не внимал и не молился сосредоточенно. Но иногда, когда меня выводит это зрелище, я молю святого Давида, и он входит в святую литургию, и я его вижу, он сидит рядом со мной. И тогда я отступаю от святого престола и отхожу в сторону, а люди не понимают, почему я отошел в сторону. Но как же мне, дитя мое, служить, когда рядом со мной святой Давид и я его вижу?

Это произвело на меня тогда сильное впечатление, и я это до сих пор помню.

Также святой Николай (Планас) на литургии часто понимал, кто из христиан присутствует, а кто отсутствует. Может, телом все и были в храме, но душа их носилась где-нибудь. Святой Николай видел это. Люди в храме видели стулья, утварь, иконостас, алтарь, а он видел еще и душу каждого человека, каждого молящегося, видел ангелов, видел и бесов, видел Самого Господа.

Однажды он совершал каждение (вы, конечно, слышали об этом известном случае из его жития) и покадил одну госпожу, а рядом было пустое место, он покадил и его. А дальше сидела одна госпожа, которую он вообще не покадил и пошел дальше. Когда закончилась святая литургия, эта госпожа, расстроенная, подошла к нему и сказала:

– Отче, ты обошел меня самым вопиющим образом: всех покадил, а меня нет! И не только, но еще и покадил место, которое было пустым. Почему ты сделал это?

Он ей сказал:

– Поверь мне, дитя мое, я не видел тебя на литургии. Ты была в храме?

– Ну как же не была, отче! Вот, я же о святой литургии тебе говорю.

– Я скажу тебе кое-что. А ум твой не был тогда с козами?

Мы говорим об Афинах старых времен, святой Николай (Планас) служил в Плаке (древнейший район Афин), и у людей тогда были свои стада, поля, откуда они добывали для себя молоко, мясо и т. п. И она думала о своем стаде: как она туда пойдет, что сделает и т. д.

Она сказала:

– Ну да, в то время, когда ты проходил, я немного подумала об этом.

– Когда ты думала о нем, я не видел, чтобы ты была здесь, – сказал святой.

– Хорошо, ну а почему же ты покадил пустое место рядом со мной?

– Рядом с тобой место госпожи такой-то, твоей знакомой, которая сейчас больна и лежит в постели, но думает о нас, служащих, и говорит в уме: «Если бы и я могла сейчас быть на святой литургии, как же хорошо было бы!» Я видел ее, как будто она присутствует в храме.

Прозорливость святого производит сильное впечатление, но Бог видит больше, Он видит все, каждый эпизод нашей жизни. Сколько же мы еще будем спрашивать себя: «А что обо мне видит Бог?» Что видит? Мы, люди, прячемся от других, но от Бога спрятаться не можем даже на святой литургии.

И на литургии давайте сосредоточивать свой взгляд, снова говорит святой Серафим Саровский, на какой-нибудь иконе, или лампаде, или на священнике – не с целью сосредоточиться на священнике, а чтобы от него наша мысль переходила к священным помыслам и переживаниям в нашей душе.

Уголек, к которому бесполезно прикасаться

И коль скоро мы заговорили о священниках на святой литургии, то давайте быть очень внимательными, чтобы смотреть на них с великим благоговением и уважением. Потому что священник во время литургии – не тот же, который во вторник, среду и четверг может водить машину, ходить за покупками, отводить детей в школу. В час святой литургии он – нечто иное. Он как ангел, ведь, в сущности, Сам Господь совершает чрез него литургию. Как говорится на литургии, «Ты – приносящий и приносимый, принимающий и раздаваемый»³.

Я служу литургию, но совершает святую литургию Христос мною. Священник на литургии потому и одет в полное священническое облачение, что его одежда – это одежда Христа, это та одежда, которая будет у нас в другой жизни. Поэтому, каким бы ни был священник, давайте относиться к нему с большим благоговением и уважением. Ведь даже если все вы, находящиеся здесь, помолитесь, то Святые Дары не преложатся. А если один священник, пусть и очень грешный, помолится, они преложатся, и совершится святая литургия. Из-за одного этого мы должны уважать и любить священников.

Был однажды такой священник, который служил и делал при этом ошибки на литургии. Он был святым человеком, но вот только читать как следует не умел. Он даже ангелов видел. И вот однажды владыка пришел к нему в храм на праздник и увидел ошибки, которые он совершает, и сказал ему:

– Отче, ты не так говоришь это, надо вот так.

– Ваше Высокопреосвященство, простите, я не знал этого!

И он поправил его. А на другой день владыка уехал, и священник снова служил и снова увидел ангелов. Они, услышав, что он правильно возносит ектению, обрадовались и сказали ему:

– Отче, какой ты молодец! Сейчас ты очень хорошо это сказал, вот это правильно!

А он им сказал:

– Святые ангелы, я столько времени вижу вас, вы столько времени приходите ко мне – и не сказали, что я делаю ошибки? А владыка пришел и поправил меня?

И один из ангелов ответил:

– Отче, ну неужели мы, ангелы, станем поправлять священника? Разве у нас есть право говорить священнику, указывать ему на ошибки и говорить, что «здесь ты говоришь неправильно»? У нас нет такой власти.

Это я прочитал однажды, и мне оно очень понравилось. А мы – каждый выходит и тут же комментирует, поправляет и говорит все, что хочет и о ком хочет.

Поэтому мы и видим, что священник закрывает свое лицо. Например, когда он выходит со святым Евангелием, на малом входе, то держит Евангелие перед своим лицом, чтобы виден был Христос. Евангелие – это Христовы слова. А когда мы совершаем Великий вход, то держим перед собой Честные Дары. Почему? Мы словно говорим вам: «Не смотри на меня, не смотри на мое лицо, это не я прохожу и совершаю великий вход, а Сам Господь». Поэтому и говорится: «Чтобы принять Царя всего»⁴, Самого Господа – потому что это Христос приходит, Христос говорит, Христос жертвует Собой, Христос есть всё во всех.

Есть один особо священный момент, когда священник выходит, благословляет рукой и говорит: «Мир всем», – или произносит какое-нибудь еще благословение, которое он нам преподает. Святой Исидор Пелусиотский говорит, что это благословение – благословение Самого Христа. Когда священник благословляет тебя, то тебя реально благословляет Христова

³ Это слова из тайной молитвы, читаемой священником в алтаре.

⁴ В нашем богослужении: «яко да Царя всех подыдем...»

рука. Потому что это последняя картина из жизни Христа, когда Он был на земле. Если кто-нибудь скажет: «Нарисуй Христа в последний запечатленный момент Его жизни», – то знаете, какой момент был последним? Его Вознесение, когда Он возносился, благословляя Своих учеников. Картина благословения.

Поэтому когда священник благословляет людей в церкви, то это Христос их благословляет. Поэтому и мы в этот момент наклоняем голову, показывая, что желаем благословения – чтобы оно вошло в нашу душу и чтобы мы его ощутили.

Даже один турок, который сейчас блаженствует на небесах в лике святых, святой Ахмед, видел, как из пальцев священника исходят лучи и покрывают сердца христиан, а его – нет. Когда литургия закончилась, он спросил священника:

– Отче, а почему в тот момент, когда ты благословлял, народ осенил свет, а меня нет?

Он ему ответил:

– Потому что, дитя мое, ты некрещеный, не православный.

– Я тоже хочу креститься, я тоже хочу стать христианином, чтобы и ко мне приходил этот свет и освещал меня. Я видел свет. А ты, отче, видишь его?

– Дитя мое, Бог удостоил тебя увидеть его, чтобы тронуть твою душу. А я его не видел, но ты, видевший его, – это твое личное переживание, и оно истинно.

Он стал христианином, исповедал свою веру, был подвергнут мучениям, и сейчас у нас есть святой Ахмед, по национальности турок⁵.

Я говорю вам это, чтобы мы время от времени вспоминали об этом и не обсуждали священников на святой литургии, а смотрели на них с любовью, уважением и благоговением.

Священники тоже люди, они подвизаются, и мы на литургии тоже будем стараться сосредоточиться, хоть это и нелегко для нас. Помните пример с угольком? Священник – он как уголек, к которому, возжжен он или погас, тебе бесполезно прикасаться, потому что если возжжен, т. е. если священник – святой человек, а ты его несправедливо обвинишь, то обожжешься. А если погас, т. е. священник таков из-за своей греховности, то очернишься и испачкаешься. Не твое дело – судить клириков.

Один отшельник, однако, увлекся тем, что говорили о священнике, приходившем к нему и служившем святую литургию на месте его подвижничества. Кто-то сказал ему:

– А-а-а, ты этого священника принимаешь, чтобы он служил у тебя? Да разве ты не слышал, что он сделал то-то и то-то?

«Ах, так вот он какой? Не стану больше звать его! А я-то думал, что он святой!» – сказал себе подвижник.

И вот священник пришел и постучался в дверь подвижника, но он не открыл, и тот ушел расстроенный. А потом подвижник увидел во сне золотой колодец, возле которого стоял человек, больной проказой. Ведро было золотое, цепь тоже, вода – чистейшая, и он доставал воду из золотого колодца. И человек этот сказал подвижнику:

– Пей!

А он отвечает:

– Ой, нет. Я не пью из рук прокаженных.

И тогда услышал от Господа голос:

– Дитя Мое, почему же ты не пьешь?

– Но он же прокаженный!

– А разве ты не видишь, что он только зачерпывает воду, он не дает ничего своего. Разве ты не видишь, что колодец весь золотой, ведро золотое? Священник не дает тебе чего-нибудь своего, будь он даже прокаженным, а дает тебе Господь, Который чист и непорочен, – ответил Господь.

⁵ Ахмед Калфа принял мученическую смерть за Христа 3/16 мая 1682 г.

Святое Причастие совершает уникальные чудеса, какой бы священник ни причащал. Поэтому, какой бы священник нас ни причащал, к кому бы мы ни пошли, мы принимаем одного и того же Христа. Естественно, если твой духовник служит вместе с другими духовниками, то ты из благоговения и любви можешь захотеть причаститься у него, но это не означает, что Святое Причастие имеет разную ценность.

То, что священник кадит нас во время святой литургии, указывает на молитвы христиан. В Апокалипсисе есть замечательный образ ангелов, собирающих молитвы христиан и возносящих их пред Бога (ср. Откр. 5, 8; 8, 3–4). А на вечерне мы поем: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою». Молитва, как фимиам, возносится на небо.

Когда я был рукоположен, священник дал мне замечательное толкование ладана, угля и кадила. Он сказал:

– Отче, сейчас ты – хороший ладан. Ладан благоухает. Если мы привезем его со Святой Горы Афон и ты его понюхаешь, то он благоухает. Но чтобы это благоухание распространялось вокруг, – продолжил он, – ладан надо положить на уголек и разжечь. Так и в нашей жизни: чтобы заблагоухала наша душа, как ладан в церкви, надо и нам пропечься в испытаниях и искушениях. Поэтому Бог их и попускает, и так проявляется ладан, это благоухание молитвы, благодать Святого Духа. А уголь – это огонь Божества, вошедшего в утробу Пресвятой Богородицы, и Она при этом не обожглась. Основание кадила – это утроба Пресвятой Богородицы, уголь – Божество, а ладан – это благоухание Святого Духа, распространившееся по миру.

Есть такие символические толкования, которые делают даже святые. Святая литургия – не символическое событие, а самое настоящее, перед нами реальность, но все же неплохо было бы дать и некоторые толкования, которые помогли бы нашей душе кое-что понять.

Всем этим действием Церковь говорит нам: «Я смотрю на тебя как на образ Божий. Ты принимаешь это?» И мы склоняем головы, признавая, что мы тоже образ Божий, сотворены по образу Божию. Как правило, священник кадит только иконы, но поскольку и мы несем в себе печать Божию, то он кадит и нас.

На святой литургии освящается наш взор, когда мы смотрим на иконы, когда смотрим на клириков или на какого-нибудь верующего, благоговейно молящегося впереди нас, освящаются и наше осознание, слух, глаза. И когда мы смотрим на икону, то не надо смотреть просто на технику ее исполнения, кто ее написал и византийская ли она, эпохи Палеологов или Критской школы, а думать: «Этот святой, что он может сказать конкретно мне по жизни? Вот, эти святые победили, победили мир, насмешки мира, свои страсти, страх перед людьми, и сейчас они – святые. А значит, это вселяет в меня надежду, что я не один в этой жизни».

Когда я смотрю на святую Марину, святую Параскеву, святого апостола Андрея, то стараюсь, чтобы и моя жизнь шла по их стопам, и утешаюсь. Поэтому в церкви иконы расположены так близко к нам, чтобы нас утешать, вдохновлять в жизненной борьбе и укреплять веру.

Знаете, как христианизировался болгарский народ? Благодаря одной иконе. Святой Мефодий показал правителю болгарского народа святому князю Борису икону грядущего Суда, которая была написана так, что потрясла его. Увидев будущий Суд на иконе, он был так поражен, что захотел стать христианином, а за ним последовал и весь народ.

Когда святой Порфирий Кавсокаливит увидел в автомобиле маленькую иконку, повешенную кем-то над лобовым стеклом, – она была не такой уж художественной, но довольно хорошей, – то сказал:

– Эта маленькая икона написана с большой молитвой.

Он не знал, кто ее написал, но видел это, потому что иконы изливают благодать на наши души. Мы часто смотрим на какую-нибудь икону и трогаемся, что-то начинает говорить в нашей душе. Это величие Божией благодати, которая входит даже в природу и бездушные вещи, находящиеся рядом с нами и окружающие нас.

В церкви освящается и наш слух – мы слушаем Святое Евангелие, и это – великое благословение в нашей жизни, потому что, когда слышишь его, очищается твой ум, исцеляются страсти, умножаются силы и улаживается сердце.

Вы только задумайтесь: мы не уставали, и не потели, и не копали, чтобы найти Христовы слова, все уже готово, потому что это – дар. Великий дар то, что мы слушаем Евангелие и у каждого из нас дома есть Евангелие. Мы идем в храм и слушаем там слова Самого Христа, поэтому священник и говорит: «Рече Господь...» Слышим о жизни Господа Иисуса Христа, читаем Его собственные слова, и они прикасаются к нашей душе.

На святом престоле стоят только святой потир и Евангелие, т. е. здесь само Христово присутствие. У многих христиан есть хороший обычай – прежде чем начнется святая литургия, просматривать накануне вечером евангельский текст, потому что в церкви события развиваются быстро, и у нас нет времени углубиться в него, а так они заранее готовятся.

Я хотел бы попросить вас во время Херувимской песни (и себя самого прошу об этом в первую очередь), с момента начала Херувимской песни и дальше, чтобы ум наш не думал ни о чем больше, кроме Христа и того, что сейчас имеет произойти, – страшной жертвы Святой Евхаристии. В этот час мы становимся подобны херувимам, серафимам – так мы должны себя чувствовать, и думать только о Христе, Который грядет, чтобы принести Себя в Жертву. Сделаем же это своей целью, желанием, подвигом.

Поэтому после чтения евангельского текста и говорится: «Скажем все от всей души и всем умом своим скажем!»⁶ То есть чтобы мы всей душой и сердцем думали о таинстве, которое совершится вскоре.

Если бы мы видели, что происходит во время святой литургии, это говорит старец Иаков (Цаликис), то все побежали бы вон – от страха. С этой минуты мы не входили бы внутрь. Сколько миллионов ангелов и архангелов окружают храм, а мы ничего не понимаем и думаем, что находимся в обычном месте, где мы просто собрались и стараемся помолиться. А Христос в этот час входит в святой город, чтобы принести Себя в Жертву. Входит, сопровождаемый множеством ангелов, и держит в руках Своих нашу жизнь.

Когда священник выходит, то он держит святой дискос, на котором лежит агнец – центральная часть просфоры, которую мы вырезаем, а рядом с ним – частица Пресвятой Богородицы. С другой стороны – частицы ангельских чинов, святых, бывших во все века, святого, которого празднуем сегодня, а перед агнцем, перед той частью просфоры, которая станет Телом нашего Господа, располагаются частицы в честь имен живых и усопших. Эта крошка представляет всю нашу жизнь, все проблемы и всю жизнь мира.

Священник держит дискос и снова вносит его в алтарь. Мы как будто говорим: «Господи, я взял мир и возвращаю его Тебе, чтобы Ты его освятил». Господь принимает дар, который мы Ему подаем, и отдает нам самое драгоценное, что только может дать, – Своего Сына. Бог снова сходит на землю, Святые Дары претворяются в Его Тело и Кровь, и мы причащаемся их.

⁶ В нашем богослужении: «Рцем вси, от всея души и от всего помышления нашего рцем».

В твоём сердце источник радости

Идя на святую литургию и переживая ее благодатную атмосферу – я имею в виду тихую, спокойную литургию, когда певцы смиренны, царит ностальгическое настроение, атмосфера благодатная, умиротворяющая, а у тебя на сердце умиление, то есть когда тебе становится легко и в то же время душа твоя словно просыпается, – в этом, я бы сказал, гипнотическом и облегчающем духе наша душа становится чрезвычайно бодрой. И что же она делает? Она вспоминает, она припоминает себе все, что забыла.

Поэтому видишь, что на литургии ты не можешь, как обычно, вспоминать о всяких неприятных людях и нервничать, питать ненависть, злобу, – все это утихает. И не потому, чтобы тебя там вдруг стало клонить ко сну, а потому, что там ты вспоминаешь о тех реалиях, о которых я тебе говорил: что Бог тебя любит, что то, что мы делаем здесь, – это хорошо, однако преходяще, оно подобно перелетным птицам, относительно, ограниченно, оно вовсе не что-то грандиозное.

Наше сердце услаждается, потому что там мы ощущаем истину, и не просто ощущаем истину, а сами становимся истинными, мы входим в истину Божию, и все остальное нас уже не огорчает.

Однако когда выйдешь после святой литургии и забудешь обо всем этом, снова наваливаются тяготы, проблемы кажутся непреодолимыми, несущественное опять кажется существенным, и ты думаешь: «Ой, да что же мне теперь делать? Я ведь должен столько денег!» И опять начинаются безумие, истерика, паника, восклицания! А почему? Ведь во время литургии ты не думал об этом. А разве тогда у тебя не было долгов, кредит был погашен, неулаженные проблемы были улажены? Нет. Только там ты чувствовал богатство своей души, ту красоту и честь, которыми тебя одаряет Бог. Он подает тебе такую благодать и внутреннее достоинство, что ты чувствуешь себя богатым, даже если ты крайне беден.

Если поймешь, о чем мы говорим, эту истину, и душа твоя воспрянет от амнезии, тогда ты можешь почувствовать себя богатым, будучи крайне бедным, и шагать по жизни вперед, как говорил мне кто-то, имея в кармане только билет в одну сторону:

– У меня было, на что поехать туда, но не на что было вернуться назад. Были деньги купить билет туда, но не было на билет обратно, а я шел, весело насвистывая себе и улыбаясь. И тут увидел какого-то богача, у которого было много денег, но не было радости. Так сколько же стоит улыбнуться? Сколько стоит спеть песенку и чтобы на лице у тебя засияло счастье? Сколько стоит поцеловать того, кого хочется? Сколько стоит увидеть, как твой ребенок улыбается тебе? Сколько стоит съесть что-нибудь вкусненькое, например салат, заправленный сыром? И ты уже говоришь себе: «Ах, как хорошо! Я поел своего любимого салатика!»

Если ты смотришь на вещи в Божией благодати и видишь их в их истинности, тогда одно это уже может сделать тебя богатым. И это является доказательством того, что ты понял Божию истину. Так ты впитываешь жизненные соки, Божественную нетварную энергию, благодать, и твоя душа оживляется Христом практически ни из-за чего.

Это значит, что ты пребываешь в истине. И доказательство того, что ты ощутил нечто от Божией истины, – это когда ты однажды почувствуешь свое внутреннее богатство без того, чтобы оно подкреплялось денежным богатством, чем-нибудь внешним вообще, но чтобы оно исходило из тебя, чтобы ты сидел совсем один в своей комнате и ощущал компанию Бога. Это и служит доказательством того, что ты вошел в истину. Потому что это ложь – думать, будто ты один: думать так означало бы, что ты снова впал в ту амнезию, о которой мы только что говорили.

Когда у тебя нет духовной амнезии, ты живешь в истине Бога, ощущаешь прикосновение Христа, присутствующего там, где ты есть, в твоей комнате: Он в твоей душе, Он прикасается

к твоему сердцу... ты ощущаешь Бога. Когда придет время и ты почувствуешь Его присутствие в полном одиночестве, когда ты в какой-то момент почувствуешь, что из тебя исходит любовь, в то время как люди тебя не любят, и внезапно почувствуешь, что тебя любит Кто-то, это означает, что ты вошел в истину и забвение исчезло из твоей души. Потому что ты ощутил Божию любовь, Христово присутствие, богатство, которое дает Христос даже самым бедным людям.

Это великие вещи, они дарят здоровье душе и телу. Мы произносим это выражение: «Во исцеление души и тела. Аминь!» – когда помазываем людей святым елеем. Священник говорит это, ставит крест на твоём челе и произносит это.

Как-то однажды у нас было бдение, и я помазывал людей. Свечи мерцали в полумраке, и мне видно было только лампаду и людей, подходящих ко мне. Свечи освещали чела верующих, этих прекрасных душ, – то есть чела всех, ведь все мы красивые души, – и я видел, как на челе у них сверкает крест из елея, блиставший от свечей. И я говорил себе: «Посмотри, вот этот человек пришел на ночную службу, чтобы помолиться, и сейчас он выйдет в общество, в жизнь, однако на челе у него будет крест, крест из елея». А елей – это что? Это любовь. Елей, помазание означает, что мы дети Небесного Царя, мы Царские сыны и дочери и становимся участниками Божия Царства, богатства и господства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.